

Цзян Най раньше был поваром, а теперь — поваром, потерявшим память.

В отношении таких с виду возвышенных вещей, как фортепиано, он не смыслил абсолютно ничего.

Это было похоже на человека с сильной близорукостью: без очков всё кажется ему лишь расплывчатыми цветными пятнами.

Но в этом были и свои плюсы.

Например, сейчас дети занимались, а он совершенно не мог расслышать, где именно допущена ошибка в нотах или где хромает ритм.

Естественно, у него отсутствовало то беспокойство по поводу успеваемости детей, которое свойственно обычным родителям.

Он думал лишь о том, до чего же оба его сокровища милые.

Их нежные, мягкие личики выражали крайнюю сосредоточенность, крошечные спинки были выпрямлены, а округлые белоснежные ручки бегали по черно-белым клавишам, наполняя комнату звуками музыки.

Послушав какое-то время, Цзян Най достал телефон, собираясь записать видео.

Оставалось лишь утешать себя мыслью: образование — это самая выгодная инвестиция.

Собеседник, заметив его затруднения, добавил: «Вам не нужно беспокоиться об оплате занятий, достаточно просто позвонить и убедиться, что сегодня дети находятся в нужном настроении».

Такие крохи, а выглядят прямо как ангелочки — их обязательно нужно как можно больше снимать на память.

Клубника легко портилась от воды, поэтому Цзян Най не рисковал мыть слишком много.

Иначе они подрастут, и снимать их уже обычно не разрешают.

К тому же учительница Тан Я, которая их обучала, была не только хороша собой, но и обладала на редкость мягким характером. Она терпеливо показывала одно и то же движение малышам снова и снова, и на ее лице не было ни малейшего следа раздражения.

В небольшой пиале было всего с десяток ягод, но каждая размером с детскую ладошку. Сложенные в стеклянную миску, они напоминали красные агаты и источали сладковатый аромат, от которого слюнки текли.

Стряхнув крупные капли воды, Цзян Най сначала сунул по одной ягодке в руки двум малышам, которые изо всех сил тянулись на цыпочках, заглядывая в раковину.

Цзян Най уловил суть ее слов: «Учительница Тан имеет в виду, что раньше малыши занимались без особого энтузиазма?»

Разве сегодня не первый день, когда родитель присутствует на уроке?

Просматривая бесчисленные тексты и фотографии в новостных репортажах, Цзян Най крутил их так и эдак и в конце концов пришел к выводу.

Время пролетело быстро, и сегодняшний урок подошел к концу.

Женщина, представившаяся няней Лю, была на вид лет пятидесяти с небольшим, выглядела доброжелательной и работала споро: пока Цзян Най отводил детей в гостиную, она уже закончила мыть овощи.

Няня Лю с улыбкой отозвалась, продолжая трудиться и между делом успевая болтать с Цзян Наем: «Фань-фань не любит имбирь и чеснок, но для простого аромата их использовать можно, так что я тут замочила немного имбирно-чесночной воды».

Но ведь такого быть не должно, судя по его наблюдениям, Фань-фань и Чжоу-чжоу не производили впечатление детей, которые ненавидят фортепиано.

Цзян Най на мгновение замер — он ведь только что взял на себя заботу о двоих детях, и во всех этих тонкостях пока еще толком не разобрался.

Пока они были заняты, Цзян Най тайком заглянул в интернет и поискал информацию об учительнице своих сыновей, в результате чего обнаружил целую гору публикаций.

Цзян Най бегло просмотрел их: там были сплошь домашние блюда, не требующие никаких изысканных кулинарных навыков, но имелось особое указание — свинину рубить помельче: «А то подрастут и подавятся ненароком».

Эх, хоть вы и лишились беззаботного детства, зато получили частные уроки стоимостью в целое состояние!

С того самого момента, как он узнал об этом, в его голове неотвязно крутился один ический

вопрос: сколько же стоят такие занятия?

Цзян Най заметил, что учительница Тан хочет сказать ему что-то еще, и велел обоим детям идти играть на диван.

Он изо всех сил сдерживал свое любопытство, боясь, что итоговая сумма испугает его и без того не слишком крепкое здоровье.

Ходили слухи, что эта учительница занимается с ними уже больше полугода. Если прикинуть, получалось, что оба малыша начали учиться игре на фортепиано еще в двухлетнем возрасте.

Даже когда он шел в небольшой особняк и мыл клубнику для двух малышек на кухне, настроение у него было не сказать чтобы очень веселое.

Дети учатся, а родитель отсиживается в уголке.

Видя, как оба ребенка, бережно прижимая к груди миски с фруктами, вприпрыжку побежали в гостиную и включили телевизор, чтобы посмотреть мультфильмы, Цзян Най поспешил обратно на кухню помогать няне с ужином.

— Малыши, берите и идите кушать за столом в гостиной.

Если дело обстояло именно так, Цзян Най даже не знал, что и сказать.

Вернувшись в гостиную на первом этаже, они услышали два одинаковых детских голоса: «Спасибо, учительница Тан!»

Похоже, обладать баснословными богатствами тоже нелегко: так рано начинают форсировать развитие ребенка! Его взгляд, полный умиления и жалости, устремился на двух наивных, ничего не подозревающих малышей.

Там писали что-то вроде: в пять лет дал сольный концерт, в тринадцать — принял участие в международном конкурсе и стал первым чемпионом среди китайцев в этой категории.

Но, к счастью, Чжоу-чжоу мастерски умел ластиться и капризничать, а Фань-фань линковался к папе, так что Цзян Най быстро выбросил из головы эту легкую горечь.

В воспитании детей нельзя полагаться только на деньги, и сбрасывать всё на няню — куда это годится? Отец поступал бы крайне безответственно.

В этот момент, заметив его вошедшим, она с улыбкой спросила: «Может, мне сначала

подготовить эти овощи?»

Неужели Фэн Чэнъянь никогда не сопровождал детей на занятия?

Проводив гостью до дверей виллы, Цзян Най услышал, как учительница Тан остановилась и произнесла: «Сегодня, когда вы присутствовали на уроке, настроение у малышей было гораздо лучше обычного, да и успехи просто огромные».

Цзян Най кивнул в знак согласия.

В ответ слышались два невнятно-ласковых признания в любви.

Учительница его сыновей оказалась ослепительно крутым «гениальным пианистом».

Машина стояла на временной парковке, до их главного жилого дома нужно было идти еще несколько минут. Проводив гостью, Цзян Най всю дорогу обратно размышлял над словами Тан Я.

Тан Я подбирала слова: «У мальчиков огромный талант, особенно у Фань-фань. Возможно, из-за того, что кто-то из родителей впервые присутствовал на занятии, сегодняшняя музыка звучала гораздо живее, чем в прошлые дни. Если они выступят в таком состоянии на международном детском фортепианном конкурсе в следующем месяце, у них есть все шансы пройти отбор и даже завоевать золотую медаль».

Цзян Най читал об этом и в руководстве по уходу за детьми: им нравится вкус имбиря и чеснока, но при этом сами корнеплоды попадаться на глаза не должны.

У него самого не было столь причудливых привычек, интересно, в кого они пошли.

Няня готовила домашнюю еду уже не один десяток лет, и даже если бы ее кулинарное мастерство держалось лишь на накопленном за годы опыте, сейчас об этом можно было говорить как о немалом достижении.

За обсуждением способов приготовления пищи у них нашлось множество тем для разговора, и вскоре они стали гораздо ближе друг к другу.

Цзян Най быстро перевел разговор на то, что волновало его самого: «Няня Лю, вы работали здесь еще до того, как я впал в кому?»

Ему было ужасно любопытно узнать, что происходило раньше. Обычно он был человеком, способным распутать сюжет даже после просмотра одного фильма, а теперь, столкнувшись с потерей памяти, он прямо-таки извелся весь от любопытства.

Ему хотелось немедленно изобрести машину времени, вернуться в тот самый вечер накануне амнезии, нажать кнопку и перекрутить пленку заново.

«Раньше господин Фэн нанимал меня только на пару часов в день, а когда вы забеременели, меня попросили остаться жить здесь в качестве постоянной няни. Если подсчитать, прошло уже года четыре-пять».

Цзян Най произнес: «Я плохо всё помню, да и остальное не так уж важно. Просто Фань-фань и Чжоу-чжоу уже такие большие, а я сегодня впервые держал их на руках».

Изначально он пытался выведать информацию, но под конец и впрямь почувствовал себя немного подавленным, в его голосе прозвучала грусть.

У няни Лю были собственные дети, и она терпеть не могла такие истории о разлуке матерей с детьми, поэтому услышанное тоже отозвалось в ее сердце щемящей болью.

Да уж, оба господина любили друг друга, после зачатия на свет появились близкородственные двойняшки, казалось бы — живи да радуйся в большой и дружной семье, но кто же знал, что случится эта автокатастрофа.

Не прошло и нескольких месяцев после рождения детей, как господин Цзян оказался прикован к больничной койке без сознания, а господин Фэн в те дни словно рассудком тронулся — сутками напролет дежурил в больнице.

Возможно, из-за нехватки чувства безопасности, несмотря на самый заботливый уход нянь, состояние малышей оставалось тяжелым, и они постоянно плакали.

Особенно Фань-фань: ночи напролет он плакал надрывно, до потери голоса, а сам был худеньким, как обезьянка — смотреть без слез было нельзя.

Но если произнести все это вслух, можно лишь умножить горе господина Цзяна.

Она лишь утешила его: «Господин Цзян — человек великой благодати, после всего пережитого у вас теперь каждый день будет складываться удачно. С вашим пробуждением в доме стало намного веселее».

Цзян Най как раз чистил кровати и на ее рассуждения о счастливой судьбе лишь усмехнулся.

Подумать только: у кого другого судьба счастливая, а его мало того что превратили в овощ, так после пробуждения еще и стерли память за несколько лет.

Вокруг сплошные незнакомцы, на любой вопрос он только разводит руками.

Слушая бесконечную болтовню няни Лю о том, как господин Фэн заметно повеселел после его пробуждения и даже выдал годовую премию всем работникам поместья,

он с любопытством спросил: «А какие у нас раньше были отношения с Фэн Чэньянем?»

Нарезав все овощи и разложив их по тарелкам для готовки, няня Лю уступила Цзян Наю главное место у плиты.

Услышав его вопрос, она не смогла сдержать улыбку: «Обо всем этом господину Цзяну лучше спросить самого господина Фэна, когда тот вернется».

Когда молодые люди были друг к другу привязаны, она даже краснела, наблюдая за их повседневными отношениями, а теперь он спрашивает, хорошие ли они были.

В качестве примера она привела случай: «Господин Фэн лично чистил для вас целый ящик гранатов, выбирал самые сочные и перебирал их зернышко к зернышку».

Мясные шарики полетели в кипящее масло, издав шкворчащий звук, и мгновенно покрылись золотистой корочкой.

Фрикадельки были сделаны специально для двух домашних малышей: специй в них положили совсем немного, а размер был ровно на один укус.

Когда они прожарились до нужной кондиции, их выловили и дали стечь маслу.

Горячий пар поднимался от плиты, отчего лицо Цзян Ная слегка покраснелось.

Няня Лю мысленно усмехнулась: ну конечно, совсем еще молодые, кожа тонкая, хорошо хоть она упомянула лишь такие мелочи.

Одно дело, когда делаешь сам, и совсем другое, когда кто-то указывает на это вслух — тут же станет неловко.

Ужин был готов быстро, и Цзян Най перенес приготовленные блюда на обеденный стол, после чего повел малышей мыть руки.

У обслуживающего персонала была своя еда, а за этим столом ужинали Цзян Най и оба ребенка.

Густая каша из свежих креветок с овощами, хрустящие снаружи и сочные внутри жареные мясные шарики, нарезанный небольшими кусочками коричневый сахарный пирог няньгао,

рулетики из спаржи с говядиной, шпинат с яйцом, тушеный тофу с мясным фаршем...

Тарелок и блюдец наставили множество, но порции в каждой были уменьшены, так что на одного взрослого и двоих детей еды хватило в самый раз, и в конце каждому досталось еще по кусочку сладкого пирога.

Кусочек был размером с половину ладошки Фань-фаня, но он послушно ел его двумя руками, наклонив голову и откусывая по чуть-чуть, а его пухлые щечки забавно двигались вверх-вниз, напоминая запасливого хомячка.

Когда мальчик закончил, Цзян Най спросил: «Хочешь еще кусочек?»

Фань-фань потрогал свой маленький животик и покачал головой.

Он уже наелся.

— А я хочу еще кусочек!

Это подал голос Чжоу-чжоу, который уже съел на один пирог больше, чем брат.

Цзян Най безжалостно ему отказал и мимоходом убрал со стола.

Завтра с утра им нужно было идти в детский сад, а Фэн Чэнъянь к этому времени так и не вернулся, поэтому Цзян Най сначала отвел их обоих умываться.

Начинающий молодой папа не знал, все ли дети обожают игры во время купания, но как бы то ни было, не успел он толком разобраться со всеми этими баночками и скляночками в ванной, как оба ребенка уже вовсю брызгались водой прямо в большой купальной чаше.

К тому моменту, когда Цзян Най наконец сообразил, где гель для душа, где шампунь, а где кондиционер с детскими наклейками, битва уже перекинулась на него самого, и брызги из ванны окатили его с головы до ног.

Футболка на нем тоже насквозь промокла, и Цзян Най, глядя на вовсю веселящегося Чжоу-чжоу, решил просто залезть в воду вместе с ними.

Дети были слишком шустрыми, так что у отца уходило на них немало сил.

К счастью, хоть это и была ванная комната в детской, чаша в ней оказалась огромной, так что Цзян Най вполне комфортно погрузился в воду вместе с ними, места оставалось еще с избытком.

Теплая вода поднялась выше, разливая по всему телу приятное тепло.

Как же здорово быть богатым — можно даже принимать ванну лежа.

Впрочем, он все же решил преподать этому маленькому проказнику урок.

— Кто плеснет на папу водой, завтра с утра лишится порции сладостей.

Угроза лишиться сладостей подействовала сильнее строгого отцовского лица: Чжоу-чжоу тут же бросился вперед, обнял папу и попытался загладить вину своими круглыми глазенками и мягкими щечками.

Получив заверения от Чжоу-цзая, в ванной на время воцарился мир, и Чжоу-цзай даже заслужил право съесть завтра утром целых два пирожка «Цветок груши».

Намылив обоих детей и устроив еще пару игр с выдуванием пузырей, он наконец заполучил двух ароматных маленьких колобков.

Натянув на колобков свободные футболки и завернув их в банные халаты, он превратил их в этикетки с начинкой из сладкой пасты.

Наконец, он снова подхватил обоих на руки и отнес в свою большую спальню.

К счастью, он привык ворочать тяжелые воки, так что донести двух малышей до кровати не составило никакого труда.

Детские «роллы» выгрузили на диван и развернули: их мокрые волосы живописно раскинулись на лбу, а из-под них глядели две пары виноградных глаз с трепещущими ресничками — до чего же они были милыми!

Неизвестно, кто купил этот гель для душа, но после купания от обоих малышей исходил легкий, ненавязчивый, но невероятно приятный молочный аромат.

Волосы высохли очень быстро, Цзян Най намазал обе пушистые макушки детским кремом, чмокнул каждого в щеку и живо раскидал их по кровати.

Разобравшись с детьми, Цзян Най наконец смог заняться собственными волосами.

Слушая, как кто-то на кровати вовсю резвится, кувырывается и щебечет:

— Маленький папа, почитай сказку-у~

<http://bllate.org/book/22066/2294545>